

КОНЕЦ двадцатых и все тридцатые годы отмечены в истории ленинградского балетного театра как период необычайного расцвета искусства хореографии. Расцвет этот неразрывно связан с именами выдающихся балетмейстеров, балерин, премьеров и самого высокого класса классических и характерных танцовщиков. Это М. Семенова, Г. Уланова, О. Иордан, Н. Дудинская, А. Ермолаев, В. Чабукяни, К. Сергеев, В. Вайнонен, Р. Захаров, Л. Лавровский. К числу этих мастеров бесспорно следует отнести и Фею Ивановну Балабину.

Семнадцатилетней девушкой приехала она из Ростова-на-Дону в Ленинград — в Мекку и Медину балетного искусства, уже посвященная во многие тайны его созидательных процессов. Два года занятий под руководством прославленной Вагановой помогли талантливой юной ростовчанке не только вполне акклиматизироваться в доселе непривычной ей атмосфере веками выработанных академических традиций, но и усовершенствовать технику, стать одной из лучших учениц своего класса.

На выпускном спектакле 1931 года Балабина выступила в партии Лета в балете А. Глазунова «Времена года», а в дивертисменте исполнила с артистом А. Писаре-

вым труднейший дуэт из «Дон-Кихота». Сразу зарекомендовав себя солисткой, превосходно владеющей виртуозной техникой, она завоевала бесспорное право на это положение при вступлении в балетную труппу ГАТОБа. С первого же сезона она стала выступать в ролях первого плана, среди которых оказались такие, как Гюльнара в «Корсаре» и Тао-Хоа в «Красном маке», — роли, требовавшие от исполнительницы, помимо технического совершенства, еще и выпуклого создания образа.

Я покривил бы душой, если бы сказал, что первоклассная танцовщица принадлежала к числу актрис, владевших искусством перевоплощения, и в то же время искажил бы правду, если бы сказал, что в числе большого количества исполненных ею ролей не было таких, в которых, увидев ее, вы не оказались бы полностью захвачены экспрессивной силой переживаемых ею эмоций.

В первую очередь, конечно, это были те картины, где актерская индивидуаль-

ность танцовщицы, темперамент и внешние данные в значительной степени совпадали с чертами характера ее героини. В миниатюрной фигурке танцовщицы отсутствовала удлинненная стройность и гибкость пластических линий, поэтому и позы всевозможных арабесков, экорте и девелоне не могли выразить характера высокой романтики и патетической героичности. Но зато в ролях, где требовалось передать жизнерадостность, веселье, озорство, она производила незабываемое впечатление.

За двадцать пять лет Балабина перетанцевала множество интереснейших партий: Китри в «Дон-Кихоте», Жанна в «Пламени Парижа», Лиза в «Тщетной предосторожности», Маша в «Щелкунчике», Тао-Хоа в «Красном маке»... В «Золушке» она являлась и соавтором балетмейстера К. Сергеева. Из партий репертуара первой солистки стоит назвать Паскуалу в «Лауренсии», Нуна в «Гаянэ», Гюльнара в «Корсаре» и Алису в «Раймонде».

В области техники Балабина может быть приравнена к виртуозам-музыкантам или

колоратурным певицам самого высокого класса. Конечно, вся эта доведенная до предельной филигранности техника носила бы на себе отпечаток холодной механичности, если бы балерина не обладала даром большого сценического обаяния и искрометным темпераментом.

Являясь в данный момент художественным руководителем и педагогом той самой школы, где некогда сама получила столь блистательное профессиональное образование, Фея Ивановна Балабина с неугасимой пылкостью, без остатка продолжает отдавать все свои знания и силы новому поколению балетных артистов. Она никогда не отделяла творческих интересов от общественных. В течение многих лет ленинградцы избирали ее депутатом городского Совета.

В день, когда замечательной балерине, превосходному педагогу и руководителю, исполняется шестьдесят лет, хочется ей пожелать здоровья и новых творческих побед.

М. МИХАЙЛОВ,
заслуженный артист РСФСР

ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ БАЛЕРИНЫ